

ЕЛЕНА БРУСИЛОВСКАЯ: «РОМАН ПОД НАЗВАНИЕМ ЖИЗНЬ»

Накануне Дня Республики орденом «Парасат» за большой вклад в развитие и преумножение духовного и интеллектуального потенциала страны награждена Елена Фёдоровна Брусиловская, одна из самых титулованных журналистов «Казахстанской правды». Лауреат премии Союза журналистов Казахстана, академик Академии журналистики РК, обладатель именного диплома «Известий» – «Лучший региональный редактор», она автор более тысячи статей и книги «Роман под названием Жизнь». О её творческом пути, о том, как она пришла в журналистику, о верненских корнях ее родовой семьи и о многом другом наша беседа.

– Как-то в одной из наших бесед Дмитрий Фёдорович Снегин посоветовал, что мало интересовался родовой своих друзей и близких товарищей: кто они, откуда, кто родители, деды, чем занимались... О чем пожалел, считая, что подобное знание многое открывает в человеке. А где корни вашей семьи, как она очутилась в Казахстане, в Алма-Ате, и как этот выбор впоследствии отразился на твоей судьбе?

– Алма-Ата – это вся моя жизнь, я родилась и выросла в этом городе. Здесь мои корни. Мои деды и прадеды из тех, кто создавал в этих краях сначала воинское поселение Верный, а затем и молодую Алма-Ату. Помню, какой она была в годы моего детства и молодости. Помню старинный дом на одной из тихих улочек в самом центре Алматы, что на перекрестке Жамбыла и Тулебаева, с одной стороны он был окружен садом, а с другой – могучими пирамидальными тополями. Этот уголок города и этот дом – мое родовое гнездо, моя пристань, моя малая родина, моя любовь и моя боль...

Давным-давно, еще в начале прошлого века, в нем поселилась молодая семья Моисеевых – Тихона Никитовича и Александры Ивановны. Это мои дед и бабушка. Шли годы, семья росла, рождались дети... Когда родилась я, многие члены большой моисеевской семьи жили уже отдельными семьями. Но вокруг большого круглого стола всё так же по праздникам, и не только по праздникам, собиралась многочисленная родня – сыновья, дочери, братья, сестры, дяди, тети, племянники, зятья, свояченицы... А стержнем, который держал это многочисленное семейство, который его цементировал, который никому не давал забыть, откуда ты родом, конечно же, были бабушка и дедушка – удивительные люди, вместе они прожили более пятидесяти лет и, как в сказке, умерли почти в один день.

Как рассказывал мне дед, в далеком 1905 году ему, тогда еще семилетнему мальчишке, подарил пять еловых шишек замечательный человек, знаме-

нитый ученый-лесовод Эдуард Оттонович Баум, чье имя носит роща, посаженная им в нижней части города. «Не для игры даю их, а чтобы посеял семена и вырастил деревья», – сказал Баум деду, зная, в какие руки отдает.

Эти пять еловых шишек не пропали: из их семян, посеянных мальчиком, появились елочки. Вначале они росли у дома его отца, Никиты Моисеева, известного верненского селекционера, создателя знаменитого апорта, а потом, в 1926 году, когда мальчик вырос и стал алма-атинским лесничим, обзавелся семьей и собственным домом, часть елей перекочевала в его подворье, а часть была высажена им в городском парке рядом с музеем-собором.

Но из всех деревьев выжили только три. Они до сих стоят во дворе многоэтажки, что была выстроена на месте снесенного дедовского дома в 80-х годах для партноменклатуры тогдашним первым секретарем ЦК КП Казахстана Геннадием Колбиным. А когда-то здесь находился удивительный моисеевский сад, своего рода лаборатория под открытым небом, где росли вишни, похожие на сливы, и сливы, источающие такой аромат, что от него кружилась голова. А на одной из яблонь, только на разных ветках, соседствовали с грушами яблоки разных сортов.

Сад Моисеева много лет был одной из достопримечательностей города, ведь мой дед, как и его отец, мой прадед Никита Трофимович, был селекционером, создателем многих сортов вишен, груш и яблок. А под теми, еще верненскими елями, в нашей семье гулялись все свадьбы – и моих родителей, и моя, и моего брата, и всех многочисленных сестер и братьев, и золотая свадьба наших дорогих стариков – бабушки и дедушки.

Никогда не забуду ощущение огромного счастья, которое переполняло меня всё мое детство и юность, когда я жила в доме деда. Но и потом, уже став взрослой, самыми долгожданными моментами были минуты возвращения в родной дом. До сих пор помню не только все его уголки, но и запахи, даже не дома, а той далекой, ушедшей и, увы!, невозвратимой жизни.

– А есть ли в Алматы улица имени Никиты Трофимовича Моисеева, выведшего алматинский апорт? Всю жизнь радел об этом чуде-яблоке народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии духовного согласия, фронтовик-панфиловец Дмитрий Федорович Снегин, сам окончивший факультет плодоводства сельхозинститута.

– Знаешь, а ведь мы с народным писателем Казахстана в родстве, хоть и в далеком. Семья переселенцев Поцелуевых жила с Моисеевыми рядом, как говорится, дом в дом. Мать Дмитрия Снегина была крестной матерью моего деда, Тихона Никитовича. Вот что Дмитрий Федорович рассказывал мне о моем прадеде:

«Никита Трофимович был человеком взрывного характера, неумейной энергии, он был талантлив и изобретателен. Он первым завел в нашей округе граммофон. Выставит в окно это чудо – пусть все слышат! Для нас, мальчишек, было огромным удовольствием собирать иголки от граммофона, они для нас были как жемчужинки какие.

Каждой семье переселенцев в Верном нарезали десятину земли. Это было много. Десятины Никиты Трофимовича и моего деда шли параллельно. Но если дед мой был ближе к чиновничьим кругам и не больно-то заботился о посевах, то моисеевские угодья были сплошь под парниками. Сады у Никиты Трофимовича были во многих других местах. Это был настоящий хозяин. У него и наемные рабочие были. А как же иначе? Вы представляете, что значит собрать урожай, когда у тебя несколько десятин садов?..

Аромат верненского апорта доходил до Петербурга. Примерно к Рождеству собирались ямщики, и яблоки из садов Моисеева, Есютина и других

укладывали в специальные повозки. Каждое яблочко заворачивали в бумагу, потом в стружку, в войлок, и ямщики везли их сначала в Ташкент, а оттуда по железной дороге нежный груз отправляли в северную столицу. А надо сказать, что Никита Трофимович Моисеев был поставщиком двора Его Императорского Величества, через который в 1913 году, когда отмечалось 300-летие Дома Романовых, моисеевский апорт попал на Всемирную выставку в Париж и произвел фурор».

Когда Никита Трофимович ушел в мир иной, его дело продолжили сыновья. В советской Алма-Ате не было садовода, который не знал бы о Тихоне Никитиче Моисееве. Дмитрий Снегин называл его гением селекции. Вообще, для моих деда и прадеда селекция была смыслом и делом всей их жизни. Я могу много говорить о них, много писала, и они действительно достойны того, чтобы о них помнили. Горжусь, что принадлежу к столь славному роду.

К сожалению, имя моих предков не увековечено в названиях улиц города. Надо сказать, что сейчас появляется немало личностей, которым приписывается слава создателей апорта и которых очень настойчиво пытаются вписать в историю нашего города. Я не из числа таких «пробивателей», хотя тот же Дмитрий Снегин об этом говорил:

«...Никита Трофимович Моисеев – создатель чудо-апорта – яблока, которое надо на руках носить да радоваться, мир им обогащать! Великий садовник! А есть ли у нас улица, названная его именем? А вот когда мы назовем его именем самую лучшую улицу в нашем городе и когда будет стоять он со своим апортом бронзовым памятником – вот тогда интерес к нашему городу охватит весь мир».

К сожалению, эта снегинская мечта так и осталась не осуществленной, хотя моих дедов помню не только я, они оставили после себя добрый след, свидетельствуя тому – звонки и письма, которые приходили ко мне по электронной почте после моих публикаций.

– Лена, не могу не спросить. Рассказывая о верненской старине, Дмитрий Федорович еще говорил, что его родители и вообще тогдашние переселенцы хорошо знали казахский язык. Был ли он в ходу в семье твоего прадеда и деда?

– Что касается казахского языка, то дед знал его, свободно говорил, за что местные казахи его очень уважали. Помню, он мне рассказывал, как бывал в гостях у бая Медеу, чье имя сейчас носит наш знаменитый каток, рассказывал об обычаях и традициях казахов, например, о том, как ему как почетному гостю подавали баранью голову.

Еще он рассказывал о Джамбуле, с которым тоже был знаком. Причем Джамбул несколько раз бывал в гостях у деда. Не однажды к деду приходил Сабит Муканов, ведь дед был великолепным рассказчиком, много знал, много помнил из прошлого, поэтому для писателей, для того же Дмитрия Федоровича Снегина он был поистине драгоценным свидетелем истории города, да и не только города. Кстати сказать, снегинский роман «В городе Верном» во многом основан на воспоминаниях моего деда.

– В одной из составленных тобою книг к юбилею Великой Победы ты опубликовала удивительный материал – фронтовые письма твоего будущего отца к твоей будущей матери – потрясающие по силе и нежности документы, дошедшие до нас из пекла страшной войны. Как сложилась после войны ваша семья, родительские судьбы?

– О, это настоящий роман, о таком только в книгах пишут. А начался он, казалось бы, совершенно случайно, но это был тот случай, который становится судьбой. В 1942 году в далеком тылу в Алма-Ате оказалась в эвакуации одна

из студенток Одесского университета. Девушка познакомилась со студенткой Казахского университета Валерией Моисеевой и предложила ей написать одному из бойцов, ее бывшему сокурснику по Одесскому университету, который ушел на фронт в первые дни войны.

Тогда было принято посылать письма на фронт для поднятия боевого духа наших солдат – писали, не рассчитывая на ответ – важно было, чтобы бойцы чувствовали поддержку тыла. То письмо из далекой Алма-Аты дошло до адресата. Более того, на него был получен ответ. Так начался их роман в письмах.

Впервые они встретились на собственной свадьбе. Все эти долгие военные годы он воевал, защищая свою Родину. Она днем слушала лекции в университете, а вечерами работала в военном госпитале. Они писали друг другу не только о любви, верности и нежности, но и пытались найти ответы на сложные философские вопросы о смысле и сущности бытия. И это в то время, когда рядом шла война... И совсем скоро мама в новом белом платье с большим букетом цветов встречала отца на алматинском вокзале. Вот как она об этом рассказывала:

«Мы приехали на вокзал с сестрой задолго до прихода поезда, а в это время дома накрывали праздничный стол. Я очень боялась, что не узнаю его, ведь только в самом конце войны он прислал мне маленькую любительскую карточку, где был снят в шинели в полный рост, на ней и лица-то было не разглядеть.

Наконец подошел поезд. Народу – уйма, кругом одни военные. Мы начали метаться от вагона к вагону. Потом решили встать немного в стороне от главного входа и ждать, пусть сам найдет нас. Стоим. Никто к нам не подходит. Народ постепенно начал расходиться. А мне обидно до слез – неужели не приехал?! Вокзал опустел, цветы мои начали вянуть. Видим – недалеко от нас остановились два офицера, но к нам не подходят. Один из них, несмотря на теплый летний день, был одет в длинную, почти до пят шинель. Тут у меня сердце так и забило: «Нина, – говорю я сестре, – это он». Решительно подхожу к нему, протягиваю цветы и говорю: «Здравствуй, Федя!»

Это был он, тогда капитан Федор Мандибур, кавалер двух боевых орденов – Красной Звезды и Отечественной войны II степени, многих медалей, прошагавший от горящей Одессы 1941 года до Берлина 1945-го.

Ты спрашиваешь, что было потом? Потом была долгая счастливая жизнь. Выросли мы с братом, подросли наши дети. У моих родителей появились правнуки. Они отметили золотую свадьбу. Но самым дорогим праздником в нашей семье всегда был и остается День Победы. Нестерпимо больно, что отец немного не дожил до ее 60-летия: он ушел из жизни, когда до славного юбилея осталось всего чуть больше месяца. Как он ждал этот день! Как радовался, что судьба отмерила ему столь долгую жизнь, в которой всего было через край – и горя, и счастья.

– Лена, у тебя ведь отец военный, а это, как правило, переезды по всей стране – огромному СССР. Как получилось вашей семье укорениться в Семиречье, выбранном прадедом твоим, воронежским переселенцем, отцом алматинского апорта?

– По образованию отец сугубо гражданский человек, военным его сделала война. Он ушел на фронт с четвертого курса филологического факультета Одесского университета, а сам он родом с Украины, из небольшого села Ярышев, что в Могилев-Подольском районе. Он очень любил свою Украину, прекрасно знал язык. А как он пел напевные украинские песни! Надо сказать, что у отца был хороший голос, и, учась в университете, он даже пел в хоре Одесского оперного театра.

Часто думаю, как бы отец отреагировал на то, что сейчас происходит на его родине? Он даже помыслить не мог, что русские и украинцы будут убивать друг друга. Это страшно и несправедливо. Мне кажется, он бы этого не пережил, ведь всю войну люди разных национальностей воевали как единое целое. Это единство во многом и определило исход войны. Рознь никогда ни к чему хорошему не приводит.

После войны, когда родители поженились, отец окончил университет уже здесь, в Алма-Ате, недолгое время работал лектором в обществе «Знание», но вскоре его вновь призвали в армию. Так он стал профессиональным военным, поэтому мое детство прошло в военных городках и гарнизонах. Жили мы по-походному, спали на солдатских кроватях, и что такое нелегкая воинская служба знали не понаслышке. Воспоминания о жизни в военных городках остались самые теплые и самые добрые. Для меня, например, долгое время все мужчины делились на офицеров и всех остальных, потому что офицеры – самые красивые, самые умные и самые добрые, как мой папа.

Позже, когда я уже была подростком, а отец возглавлял один из районных военкоматов Восточного Казахстана, во время военного призыва ему приходилось буквально отбиваться от родителей, просивших забрать сына в армию, «чтобы она сделала из него настоящего человека». И помню, как отец порой возмущался, дескать, армия – не исправительная колония, а элитная часть общества. Так оно и было, как и то, что армия действительно воспитывала из непутевых мальчишек зрелых, ответственных за свои поступки людей, подлинных защитников Родины.

– Елена Брусиловская – замечательный стилист и логик в своих очерках, статьях, интервью. Насколько родовые гены, и чьи больше, повлияли на твой выбор профессии, на твою нескончаемую с годами любознательность и дотошность в разработке той или иной темы? И кого ты считаешь своими учителями в профессии, в жизни?

– Как я уже сказала, мои родители были филологами, прекрасным преподавателем литературы была и моя тетька – младшая мамина сестра, поэтому и мне всё уже было предначертано свыше. И хотя я после школы, которую окончила с золотой медалью, думала идти на физфак, чтобы стать астрономом – меня с огромной силой манило небо, но на семейном совете было решено – только филфак. Кстати сказать, когда я поступала в КазГУ, конкурс на этот факультет был огромный – десять человек на место! Окончила университет с красным дипломом, и меня направили работать в Кокчетавский пединститут, там я читала лекции по русской литературе на очном и заочном отделениях, вела практикумы по русскому языку.

Как видишь, всё это далеко от журналистики, о которой, если честно, я и не помышляла, планировала заняться наукой, сдала все экзамены в аспирантуру, меня намеревались направить в аспирантуру МГУ. Но... тут в судьбу вмешалась личная жизнь – я вышла замуж, и мне пришлось выбирать между наукой и семьей.

Так я вновь оказалась в Алма-Ате, потому что муж еще учился в нашем Политехе (он поступил в институт после армии), потом родилась дочь... В общем, всё как у людей. И однажды, будучи в гостях у моей подруги, муж которой работал на Гостелерадио, зашел разговор о журналистике – дескать, интересная профессия, да и платят побольше, чем в школе и институте. Еще я узнала, что есть вакансия в «Последних известиях» Казахского радио...

Так журналистика вошла в мою жизнь, открыв передо мною все ее безграничные возможности. Я заново узнавала не только свой город, но и страну, командировки дарили новые встречи, новые впечатления. А почти десятилет-

няя работа в «Последних известиях» научила ценить время, работать очень оперативно, понимать силу слова. Позже я стала заведовать отделом Общественно-политического вещания Гостелерадио КазССР, за серию передач о Великой Отечественной войне мне была присуждена премия Союза журналистов. После развала Союза и краха Гостелерадио я работала в газете «Аргументы и факты – Казахстан», поначалу была там политическим обозревателем, но писала и о науке, здравоохранении, социальных проблемах, культуре... Помню, на 50-летие отец подарил мне все мои публикации в «АиФе», которые он целый ряд лет вырезал и собирал в отдельную папку, я даже удивилась – настолько она получилась увесистой. Сотни публикаций! Не менее интересной была работа в газете «Известия-Казахстан», где я руководила редакцией.

Я прошла хорошую школу журналистского мастерства в московских отделениях этих газет. Похваляюсь, когда в Москве отмечали 80-летие «Известий» и меня пригласили на празднование, мне единственной из всех региональных редакторов, в том числе и зарубежных, был вручен именной диплом «Лучший региональный редактор», что было приятной неожиданностью.

– Впечатляющий журналистский путь, Елена Федоровна. А как ты очутилась в редакции «Казахстанской правды», по сути, в главной газете страны? И как объясняешь эти «странные сближения» пера и микрофона в своей журналистской судьбе?

– Здесь опять, как говорится, случай правит миром. Я уже упоминала о том, что журналистика открыла для меня мир – мне довелось поработать практически во всех ее сферах – на радио, на телевидении, даже снять часовой документальный фильм о Тенгизском месторождении, ну и, конечно, поработать в газетах, причем в довольно солидных.

Что же касается «странных сближений» (эту фразу вслед за Пушкиным очень любил Дмитрий Снегин, назвав так свою последнюю исповедальную книгу), то микрофон дал мне понять непростую истину, но очень важную для каждого журналиста – не забывать о том, как наше слово отзовется. И я до сих пор придерживаюсь этого правила – мне необходимо получить отклик в душе читающего. Как справедливо отметил поэт, «главное в мире – это не быть успокоенным». Журналист не имеет права быть равнодушным.

А в «Казахстанскую правду» я попала в начале 2000-х с легкой руки Олега Квятковского, который незадолго до этого стал руководителем газеты и с которым мы ранее были знакомы. В то время у меня был «черный период» в жизни: ушел из жизни отец, с которым у меня были очень близкие и теплые отношения, плюс ко всему из-за смены хозяев разваливалась газета «Столичная жизнь», где я была главным редактором. Тогда мне казалось, что мир рушится. Я уволилась с работы и на несколько месяцев просто ушла в себя.

И когда я уже не ждала ничего хорошего, неожиданно раздался звонок Олега Квятковского, который и предложил мне возглавить алматинское отделение. Можно сказать, что «Казахстанская правда» вернула меня к жизни. Начался новый этап в моей журналистской биографии.

Тогда в газете появилась «толстушка» – пятничный, более объемный номер, куда можно было писать не только официальные материалы, но статьи «для души», поднимать интересные, как говорится, читательные темы. Возглавлял толстушку талантливый журналист Сергей Волков, к сожалению, рано ушедший из жизни, как и Олег Квятковский. С ними было интересно работать. Многие годы я вела в толстушке и авторскую колонку «Мозаика жизни», в которой писала буквально обо всем.

«Казправда» подарила мне возможность встречаться с такими знаковыми личностями, как Жорес Алферов, Евгений Примаков, Рой Медведев, братья у них интервью, а еще повидать мир, ведь когда Казахстан обрел независи-

мость, мы, журналисты, получили возможность выезжать в командировки не только по стране, но и за рубеж.

– После переезда редакции «Казахстанской правды» в Астану ты возглавляла ее алматинский корпункт, и, мне кажется, это были замечательные годы. В том числе и по общественной значимости его работы. Международный фронтовой клуб имени газеты «Казахстанская правда» поддержал дух ветеранов во времена, когда уже началось присваивание другими нашей победы в Великой Отечественной войне. Тогда же началась и серия ваших военных книг с Леонидом Юзефовичем Гиршем?

– Да, тогда я познакомилась с Леонидом Юзефовичем Гиршем, участником войны, старейшим членом Ассамблеи народа Казахстана, очень интересным человеком. Международный фронтовой клуб имени газеты «Казахстанская правда» был образован в мае 2005 года, поначалу его возглавлял фронтовик, поэт Леонид Скалковский, а Гирш был его заместителем. Именно Леонид Юзефович предложил выпустить книгу к 70-летию Победы, ее информационным спонсором стала газета «Казахстанская правда», в которой было помещено обращение к читателям с просьбой присылать статьи об участниках войны.

И неожиданно для нас стало приходиться большое количество материалов буквально со всей страны. Кроме того, откликнулись журналисты из других изданий, а также военные историки с предложениями своих статей. Нам любезно предоставили материалы Людмила Енисеева-Варшавская, Ким Серикбаев, Адольф Арцишевский, Галина Галкина, Владислав Владимиров, Светлана Юнусова, Майдан Кусаинов, Иван Хромов, есть и твои белорусские материалы, и многие другие.

Поначалу мы думали выпустить одну книгу, но все статьи в нее просто не поместились, поэтому постепенно издание «разросло» до трехтомника. Но чтобы напечатать три солидных тома, была нужна и солидная сумма. Ее нам выделили Народный банк РК и Ассамблея народа Казахстана, за что мы были им очень благодарны.

В качестве автора-составителя вместе со мной была известный журналист Людмила Мананникова, которой уже нет в живых. Мы ставили задачу – показать войну глазами фронтовиков, и в этом, как нам представлялось, была ее главная ценность, потому что в основе сборника – сотни человеческих судеб. А еще нам было важно показывать нынешней молодежи, как всё это было на самом деле. Ведь не секрет, что сейчас история войны не просто искажается, порой она даже переписывается в угоду тем или иным силам. Кроме того, в трехтомнике содержался огромный информационный материал, что также не менее важно, учитывая, что новое поколение, к сожалению, не всегда знает о событиях военных лет.

Леонид Гирш был не только автором этого важного проекта, но и консультантом трехтомника, который был настолько востребован, что через год был переиздан с финансовой помощью Фонда Первого Президента РК. А через пять лет, к 75-летию Победы, опять же по инициативе Гирша в таком же составе мы выпустили еще два тома «Эхо далекой войны».

– Работаешь ли ты над собственной книгой, чтобы остались в ней твои герои, твои истории?

– Люба, каждый твой вопрос – это сюжет для небольшого рассказа, как говорил мой любимый Антон Павлович Чехов. В моем творческом активе уже более десяти книг, правда, большинство издано не под моей фамилией. Первая была выпущена еще лет пятнадцать назад в библиотечке «Казахстанской правда», она называлась «Роман под названием Жизнь», где собраны особо

значимые мои статьи, опубликованные в газете. Потом были пять «военных» томов, о которых я говорила. Кроме того, в соавторстве с первым премьер-министром независимого Казахстана Сергеем Терещенко издана книга его воспоминаний «Во власти и в бизнесе». Вместе с Героем Социалистического Труда, первоцелинницей Верой Васильевной Сидоровой мы сделали книгу «Целина – судьба моя». Были и другие книги.

Сейчас в моем архиве уже, наверное, несколько сотен различных статей, хочу собрать лучшие под одну обложку, да всё руки не доходят. А надо, потому что они о нас, о нашем прошлом и настоящем, о людях, которые делали историю. Я уже упомянула Людочку Енисееву, с которой мы были очень дружны, долгое время вместе работали, вот у нее был архив так архив! Ведь она близко знала многих людей, о которых сейчас пишет Википедия. В свое время я ей не раз говорила: «Собери всё в книгу», но... Ее книги, одна выпущена «Мицвой», другая архивом города, вышли уже после ее ухода из жизни, а сколько осталось неизданного!

Вот она, упущенная возможность, когда кажется, что всё успеется, всё получится, что всё еще впереди... Вот и у меня было много упущенных возможностей, когда, например, не успела «разговорить» того же Дмитрия Федоровича Снегина, у которого так хотелось бы еще многое узнать. А сколько уже ушло в мир иной друзей и знакомых, носителей очень интересной информации! Не могу себе простить, что не записала воспоминания своего деда Тихона Никитовича Моисеева. А ведь он бесконечно много знал и помнил об истории нашего города, которую сейчас зачастую пишут «под себя». Так что свою авторскую книгу я все-таки постараюсь сделать.

– Союз журналистов Казахстана, Академия журналистики РК, членом которой ты являешься, влияют на реальную ситуацию в медийном пространстве? Что тебе нравится и не нравится в современной журналистике?

– Конечно, влияют, и не только тем, что многие наши академики проводят мастер-классы, различные тренинги для начинающих журналистов, но главное – они сами активно работают в журналистике. Пример тому – наш патриарх, президент Академии журналистики РК, почетный журналист Казахстана Сагымбай Кабашевич Козыбаев. Думаю, не ошибусь, если скажу, что большинство нынешних сотрудников «Казахстанской правды», да и других газет, – в прошлом его воспитанники, ведь за пятьдесят лет преподавания на факультете журналистики КазНУ имени аль-Фараби он выпустил в большую жизнь тысячи и тысячи специалистов.

Сегодня среди его воспитанников руководители медиахолдингов, главные редакторы газет, телевидения и радио. Перефразируя классика, можно сказать: как из гоголевской «Шинели» вышла вся русская литература, так из творческой мастерской Сагымбая Козыбаева – практически вся нынешняя казахстанская журналистика.

Ты просишь ее оценить, правда, дело это заведомо неблагодарное, но я попытаюсь. Что мне в ней нравится? Наверное, молодость с ее беспешачностью, которая с наивной смелостью берется за самые «горячие» темы, при этом не всегда понимая, куда и зачем лезет.

Сегодня у журналистики появилось много новых возможностей, о чем мы, романтики пера и листка бумаги, и мечтать не могли, ведь интернет – это вселенная, надо только умело им пользоваться, чтобы не утонуть в потоке информации, что дано, увы!, не каждому. А еще надо уметь «отделять зерна от плевел», а это тоже приходит с опытом.

Что не нравится? Теряется чувство слова, порой тексты пишутся настолько коряво, что просто диву даешься. Любая публикация должна цеплять чита-

теля, вызывая в нем отклик, а бездушные статьи с общими фразами, расхожими клише – это путь в никуда и ни для кого.

Хорошая журналистика всегда адресна, потому что подразумевает тот самый читательский отклик. Кроме того, учитывая факт, что многие современные газеты, особенно интернет-издания – это чья-то собственность, журналисты вольно или невольно становятся заложниками чьих-то определенно направленных интересов. Хорошо, если эти интересы направлены во благо, а если нет? Ведь не секрет, что развал того же Союза начался не с разрушения экономики, а с того, о чем говорил булгаковский профессор Преображенский – разруха начинается в головах. Не случайно прессу называют четвертой властью, потому что она формирует общественное мнение. В этом не только основное назначение журналистики, но и огромная ответственность. И об этом не стоит забывать.

– Мне кажется, лучшая школа мастерства – это книги мастеров и книги о мастерах, дневники и записные книжки писателей. А есть ли такие мотивирующие книги у тебя? И что это понятие для тебя самой – творческая мастерская Елены Брусиловской? Какие особенности в подходе к теме, к материалу, к чистому листу?

– Ты права, лучшая школа мастерства – это, действительно, книги классиков литературы, и в этом мне очень помогла профессия филолога. Не только за годы учебы, но и потом мною прочитано огромное количество книг. Книга всегда была неотъемлемой частью моей жизни, я читала так много, что даже по отдельным фрагментам, предложениям могла определить стиль того или иного писателя.

Многое западало в память на уровне «двадцать пятого кадра», под влиянием прежде всего русской литературы у меня выработывалась своя манера письма. Очень люблю Чехова, постоянно перечитываю Паустовского, особенно его литературные портреты, очерки о природе, которые написаны в бунинском стиле. Перечитайте его «Прощание с летом», и вы удивитесь точностью и образностью слов. Ничего лишнего, всё, как говорится, в строку, и перед вами настолько зримо вырисовывается отрезок жизни, описанный писателем, словно вы не текст прочитали, а посмотрели красочный, наполненный звуками фильм. А чего стоит непредсказуемая проза Марины Цветаевой! Это просто уникальный образчик литературы. Я не говорю уже о столпах русской литературы, таких как Тургенев, Толстой или Гоголь. Все они в чем-то и мои учителя.

Что же касается творческой мастерской, то ее у меня нет. Я просто сажусь и пишу о ком-то или о чем-то, что волнует или интересно лично мне, и стараюсь, чтобы было также интересно тому, кто будет это читать. Главное – не потерять этот нерв жизни, суметь предвидеть тот сакральный отзвук, из которого и складывается тайна журналистского мастерства – как наше слово отзовется?

*Беседовала Любовь ШАШКОВА
Фото Юрия БЕККЕРА*

